

— ВАСИЛИЙ — МИДЯНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ НОВОСТЕЙ

Бескомпромиссный Мидянин! Один из самых интересных авторов начала века наконец-то написал роман, в котором густо замешены эпатаж, парадокс, абсурд и извращенная правда нашего бытия.

Вадим Панов

Василий Мидянин
Повелители Новостей

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мидянин В.

Повелители Новостей / В. Мидянин — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-098634-7

Мало кто знает, что нашим миром правят потусторонние древние боги и могущественные духи, которые используют человеческие средства массовых коммуникаций для распространения новостей своего эзотерического мира, скрытого от глаз простых смертных. Алёна Эбола – высокопоставленный адепт ордена Повелителей Новостей. Она – популярный тележурналист, основная задача которого – сбор «других новостей» о настоящих событиях, предназначенных для тех посвященных, кому разрешено видеть истинное положение вещей. А также фальсификация обычных новостей для 99 % мирового населения – чтобы одурманенное человечество не начало сопоставлять странные факты и не догадалось, в каком чудовищном мире живет на самом деле. Быть адептом ордена Повелителей Новостей невероятно почетно, престижно и денежно. Но лишь до тех пор, пока ты не прогневил демонического владыку. Единственная ошибка – и теперь у Алёны меньше суток времени на то, чтобы отыскать или спровоцировать крупную новость-сенсацию и тем угодить своему свирепого хозяина. Если же она не успеет до срока, владыке подадут на серебряном блюде ее отсеченную голову...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098634-7

© Мидянин В., 2016

© АСТ, 2016

Василий Мидянин

Повелители новостей

ОГРОМНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СПАСИБО

Джону Шемякину,

Ксении Собчак,

Леониду Сиротину,

Игорю Мальцеву,

которые раскрыли нищоброду Мидянину зловещие тайны элитного консюмеризма;

Малику Отиено,

который продемонстрировал неопиту Мидянину физические и нравственные катакомбы Останкинского телецентра;

Марии Сергеевой,

без неоценимой поддержки которой бездельнику Мидянину едва ли когда-либо удалось бы завершить и издать эту книгу.

– Кто сказал вам, что вы наги? – строго спросил Он.

– По телевизору об этом только и говорят! – выпалил Адам.

– Я узнала об этом из журнала «Elle», – ответила Ева.

Кэти Смит. Сексбилдинг

– Эбола, презренная филистимлянка, дочь греха! Ты там что, спишь на работе, дешевая танцовщица, продажная содомитка?! А ну, живо оторвала задницу от кресла, семя диаволево, и пулей ко мне с текстом репортажа!

Хрип интеркома мерзко полосовал слух, словно тупое бритвенное лезвие из станка для линии бикини с присохшими к режущей кромке волосами и грязными комочками крема. Алена Эбола пошевелилась, нехотя покидая бездну безумных бабочек и широко распахнутых глаз, кольшущихся на стебельках. Зажмурилась, привычно ощутив, как раскаленный шампур плавно пронзает навывлет оба виска. Потом еще раз. И еще – будто зазубренным смычком провели по туго натянутым струнам мигрени, причем безо всякой канифоли.

– Однажды я воистину уничтожу тебя, Нергалыч, – проскрипела она в пространство, не поднимая век, под которые словно васаби-порошка насыпали. – Навсегда. Я разорву тебя наискосок, но строго пополам, говнюк. Я крупными кусками скормлю тебя Сергееву. Я напьюсь дымящегося мозга из твоих расколотых костей, и мир сразу станет светлее, радостнее и чище. С добрым утром, страна...

На самом деле этот текст оказался приблизительно в пятьдесят восемь раз длиннее, чем тот, который сейчас был посилен ее многострадальному горлу и непослушному языку, поэтому Алена наверняка произнесла его про себя. А потому что вот так вот, подруга. Физический закон природы такой. Любишь неистово развлекаться, люби потом и трупы закапывать. Нравится стильно отрываться до четырех утра? Люби просыпаться в половине девятого утра же.

Голова болела столь яростно, будто трудолюбивые египетские рабы вбили в нее болшущий деревянный клин и теперь старательно поливали водой, отчего дерево неумолимо разбухало и заставляло трескаться массивную глыбу затылочных долей. По телу, вне всяких сомнений, всю ночь ездили на асфальтоукладчике, каток которого из непонятных соображений оснастили шипами на манер молотка для отбивания мяса. Во рту было сухо и шершаво, как в пустыне Негев ранней осенью, низ живота ныл, словно после упражнений на пресс с отягощениями, в желудке тихонько репетировал какую-то эстрадную чепуху военный духовой оркестр. Судя по ощущениям, минувший вечер категорически задался.

А глаза все же придется открыть, родная. Со всей прискорбной неизбежностью. Потому что если сей же час не отыскать будильник и не выключить его, а дать себе некоторое послабление, пригреться и сладко задремать, то через пять минут маленький ублюдок злорадно повторит пытку. И можно даже не пробовать найти его на ощупь – отхватив в свое время пару крепчайших пистонов от Нергалыча за хронические опоздания (с многочисленными телесными травмами и поражениями в правах), Алена придумала ставить будильник подальше от кровати, чтобы стало невозможно вырубать мелкого засранца на автомате, прямо сквозь сон.

Теперь совершенно необходимо как-нибудь продрать загадочные и красивые зеленые глазки, встать на любимые стройные ножки и, невнятно чертыхаясь, сделать пару шагов в неизвестном пока направлении в поисках будильника, только чтобы больше не слышать тайком записанного на флешку мерзкого голоса шефа.

В качестве сигналов побудки Алена перепробовала множество резких звуковых раздражителей – и петушиное кукареканье, и невыносимое дребезжанье советского телефонного аппарата, и пронзительный визг циркулярной пилы, и истошные вопли покойного Ронни Джеймса Дио, – но рык непосредственного начальства среди прочих вариантов оказался наиболее адекватной заменой нашатырному спирту.

– Где же ты, маленький ублюдок? – хрипло простонала девушка.

Язык по ощущениям напоминал старый шерстяной носок, обильно вывалянный в подкроватьной пыли, и подчинялся хозяйке с превеликим трудом.

– Тут я... – Мужской голос, молодой, сонный и маловразумительный. – Чего случилось, а? Это кто сейчас орал?..

Немало озадаченная, она не глядя пощупала рукой за спиной и наткнулась на укрытое одеялом продолговатое утолщение размером с небольшого кабанчика, возникшее за ночь на ее роскошной четырехспальной кровати красного дерева. Этакий «лежачий полицейский», решивший заночевать в ее постели.

Утолщение недовольно шевельнулось, сбрасывая руку Алены.

– Мальчик, тебя как зовут? – равнодушно поинтересовалась Эбола, так и не соблаговолив повернуться.

– Вадик... – умирающе пробормотало утолщение.

Хм. Вадик. Это сочетание звуков определенно что-то ей говорило. Алена неторопливо, раздумчиво покатила его на языке, пробуя на вкус, и дважды машинально выплюнула безо всякой цели:

– Вадик. Вадик...

– А?! – вскинулся юный ромео, за прошедшие четверть минуты тишины уже успевший снова с головой провалиться в сон, словно в черную прорубь.

– Ничего. Спи, зая.

Алена Эбола откинула атласное одеяло, осторожно, чтобы ненароком не потревожить египетский деревянный клин в голове, перекатилась на край своего необъятного сексодрома, спустила ноги на пол, погрузив ступни в мохнатый ворс ковра. Несколько мгновений тупо блаженствовала в сидячем положении, глядя в никуда.

Точно, Вадик! В яблочко.

С характерным щелчком встал на место очередной фрагмент рассыпанного и перемешанного за ночь мирового паззла. Вадик, каштановые волосы, суховатые ладони, серые внимательные глаза, оттопыренные губы, крепкие ягодички, пара довольно остроумных замечаний к месту. Закрытый ночной клуб для весьма особых персон «Газгольдер»; стало быть, чей-нибудь сынок или племяшка, раз не медийная физиономия. Или внук. Весь вечер на вертушке – специально приглашенный остромодный австралийский диджей Диджериды, в чилл-ауте пару раз мельком Мишка Прохоров и Федечка Бондарчук, едва успела с каж-

дым чмокнуться в щечку, на танцполе множество всякого мелкого тусовочного криля вроде Ускова, Божены, Блédанс и Сиятвинды; короче, куда ни плюнь жвачку, непременно попадешь в прическу какой-нибудь медиазвезде средних размеров. Знатное рубилово, чрезвычайно правильное общение, чувство радостной сопричастности прекрасному и море гламурного удовольствия, а также непрменные виски-кола, «Бакарди Мохито», «Текила Санрайз», пара водка-тини и двойной эспрессо с самбукой для тщательной заполировки всего вышеперечисленного. И сверху чайная ложечка сладкого снежка – исключительно для украшения, словно вишенка на именинном торте...

Она досадливо поморщилась. Уж сама-то себя могла бы не обманывать, подруга. Вишенок было две. Столовых. На каждую ноздрю. В первый заход. Алена запрокинула голову, пытаясь в зеркальный потолок разглядеть, не видно ли в глубине ноздрей следов запекшейся крови. Далековато. Отчаянно шмыгнула носом. Нет, с кокосом пора резко завязывать, девочка моя, если не хочешь окончательно угробить слизистую.

Давно пора, кстати. Но во имя Альмонсина-Метатрона, до чего же славно они с мальчиком Вадиком вчера колбасились под снежком!.. И в клубе, и, судя по сбитым в тугой жгут шелковым простыням, дома в постели, – впрочем, следовало все же смириться, что воспоминания о сексуальных событиях, произошедших после половины второго ночи, так и не ожили, и это было чуточку досадно, хотя и не смертельно. Без кокса, на одних алкогольных коктейлях она, выжатая на службе как половая тряпка, едва ли смогла бы так чудесно клубиться. Разве что под экстази...

Но хрен редьки не больше, благородные адепты. Нет, решительно не больше.

Будильник старательно, со знанием дела прочистил горло. Осознав, что сейчас шеф снова во всю глотку гаркнет на презренную филистимлянку и продажную содомитку, Алена легко спрыгнула с кровати и, метнувшись на звук, эффектным ударом плашмя вырубилась маленького подонка. Аж самой понравилось, до чего ловко вышло.

– Скажем «Нет!» Башнину! – удовлетворенно произнесла девушка, с наслаждением потягиваясь нагишом посреди комнаты.

Итак, сон таки был посрамлен, изгнан и стремительно бежал с поля боя в сторону области, словно Тушинский вор, – метротоннелем через «Сходненскую» и «Планерную». Теперь следовало спешно развить тактический успех и превратить его в победоносное наступление по всем фронтам.

Настроенная по-боевому, Алена проследовала в ванную, с внутренним мурчанием ощущая голыми ступнями шершавые теплые плиты подогреваемого пола. Склонилась над огромной чашей раковины из черного мрамора, формой действительно напоминавшей раскрытую ракушку морского гребешка, вытянула руки вперед. В сложенные лодочкой ладони хлынула вода. Эбола с удовольствием, назло противной мигрени, умылась и, весело отфыркиваясь, снова подставила руки.

– Прохладнее, – сказала она, зажмурившись.

Последовала очередная порция воды. Алена еще раз оплеснула лицо, с лошадиным фырканьем помотала головой, разметав по спине шикарную гриву соломенного цвета.

– Я сказала «прохладнее», а не «у точки замерзания», – произнесла она голосом, который едва ли был теплее предмета обсуждения.

После некоторой обескураженной паузы в ее ладони аккуратно полилась третья порция. На сей раз госпожа Эбола температурой воды осталась удовлетворена. Утерев мордочку пушистым полотенцем, она снова вышла в холл, пересекла его по диагонали и оказалась в просторном тренажерном зале, уставленном причудливыми пыточными механизмами из металла, кожи, резины, чугуновых отягощений и стальных тросиков.

Алена привычно размялась, сделала несколько упражнений на растяжку, с тайной гордостью покрутила перед зеркальной стеной тугим бюстом, якобы разогревая тазобедренные

мышцы, поприседала, лениво покачала пресс на одном из пыточных механизмов. Потом оседлала прислоненный к стене спортивный велосипед и через распахнутые двери выкачала из тренировочного зала в широкий коридор, стилизованным уроборосом обегавший всю квартиру по периметру и неизбежно возвращавшийся обратно в холл, к дверям спортзала.

Проект пентхауса госпожи Эболы согласовывался с ней самой, а ей позарез нужна была внятная велосипедная дорожка, потому что перспектива гонять в мороз и слякоть среди густого бензинового выхлопа по забитому транспортом Ленинградскому шоссе ее совершенно не прельщала. Развить порядочную скорость на комнатном велотреке, конечно, не представлялось возможным из-за его малого диаметра, однако квартира все же была достаточно просторной, чтобы гонщик имел возможность спокойно крутить педали и при этом не вертеть судорожно рулем. Алена Ашшурбанипавловна Эбола являлась вип-персоной государственного масштаба и занимала обширные апартаменты, вполне соответствовавшие ее высокому общественному статусу.

А пожалуй, молодая и красивая голая женщина на спортивном велосипеде – это весьма стильно и чертовски пикантно, подумала она, заходя на шестой круг. Впрочем, Башнин, сцуко, все равно не упустил бы цинично поиздеваться над ней, если бы увидел в таком виде. Однако мы гордые девушки и в любом случае скажем самое решительное «Нет!» Мишке Башнину.

Сделав еще полтора десятка кругов и вернув велосипед на место, взбодренная и разгоряченная Алена возвратилась в ванную. Голова уже почти не болела, и это стоило отпраздновать шампанским и запрещенными китайскими фейерверками.

В роскошной ванной комнате, скорее даже зале, при желании тоже можно было немножко ездить на велосипеде; по крайней мере, от дверей до каррарской мраморной ванны, размерами и формой напоминавшей скорее небольшой бассейн, насчитывалось ровно восемь Алениных шагов, если шагать не слишком широко. Обнаженные текучие наяды опасливо выглядывали из-за внушительного настенного зеркала в бронзовой окантовке, чрезвычайно расстроенные своей недавней ошибкой с температурой воды: хозяйка могла серьезно осерчать и за меньшее. Чтобы не испытывать далее хрупкого терпения Алены Ашшурбанипавловны, им теперь никак нельзя было пропустить жеста, который недвусмысленно укажет, что именно хочется принять госпоже в это чудесное зимнее утро – душ или ванну.

– Ванну, – вслух распорядилась Алена, пренебрегая нелепыми условностями церемониала, и оседлала унитаз с подогретым стульчаком.

Водные элементали тут же пришли в движение, засуетились, заструились сверху вниз и снизу вверх по керамической плитке, в огромную мраморную чашу хлынула синтезированная ими горячая вода, к потолку устремился густой пар. В дорогом салоне элитной сантехники, где у адепта Эболы была золотая скидочная карточка на двадцать процентов, продавали только отборных ручных наяд, однако даже эти полуразумные девочки умудрялись постоянно все путать и создавать на ровном месте ненужную суматоху. Впрочем, более дешевые ундины были еще хуже.

– С пеной, – уточнила Алена, блаженно прикрывая глаза.

Со всех сторон к шикарной ванне, старательно работая стрекозиными крылышками, устремились полупрозрачные сильфы, тащившие в крошечных горстях крупинки ароматической соли. Ныряя вместе с солью в наполняющийся мраморный полубассейн, они принимались отчаянно барахтаться в воде, среди то и дело показывающихся на поверхности головок наяд, усердно взбивая пену. Имея возможность напрямую оказывать влияние на стихию воздуха и заставляя ее самым причудливым образом взаимодействовать с другими стихиями, они легко обходились без каких-либо пенообразующих средств.

Наяды, разумеется, не были железными, поэтому сначала украдкой, а потом все более и более плотоядно они принялись поглаживать бултыхающихся в их среде мальчиков-сильфов по влажным голым спинам, ягодицам и крылышкам. Это вопиющее бесстыдство отнюдь не осталось незамеченным атакованной стороной. Ванна еще не успела наполниться, а в ней уже бурлила сладострастная мешанина из множества энергично сплетающихся миниатюрных тел, скрытая от посторонних глаз сугробами душистой пены.

– Так! – строго прикрикнула госпожа Эбола со своего насеста, не открывая глаз. – Мы там работаем или опять развлекаемся?!

Облепленные пеной элементарии воздуха принялись с паническим писком вылетать из ванны и по-мужски трусливо прятаться в вытяжке; встревоженные неудовольствием хозяйки и в основной массе так и не успевшие получить сексуальное удовлетворение наяды, наоборот, камнем ушли на дно, растворились в своей стихии, испуганно закрыв глаза ладошками.

Покончив с неотложными делами, Алена встала с унитаза – бачковые ундины тут же спустили за ней воду, – прошагала к наполненному бассейну, опустила в него ногу и оглушительно взвизгнула: температурой ароматическая смесь в ванне совсем немного уступала крутому кипятку.

Наяды через толщу воды настороженно наблюдали за хозяйкой сквозь пальцы, однако карательных санкций в их адрес не последовало – на самом деле Алена Ашшурбанипавловна обожала очень горячие ванны и после многочисленных экспериментов сама подобрала оптимальную температуру, которую водяным девочкам оставалось только неукоснительно выдерживать по утрам при помощи кухонных саламандр. В этот раз они не ошиблись ни на градус.

Девушка сунула в кипяток другую ногу, снова взвизгнула, немного постояла неподвижно, привыкая, потом начала медленно опускаться. Присела на корточки, окунув попку, осторожно завалилась на спину, сладко взмуркнула и вытянулась во весь рост, погрузившись в пену по самый подбородок. Во имя Альмонсина-Метатрона, до чего же хорошо!

Десятки крошечных ручек тут же принялись разминать и массировать ее тело; разогретые мальчиками-сильфами до состояния пара из ушей, наяды с особыми нежностью и энергией взялись за госпожу, и разомлевшая Алена закричала от нестерпимого удовольствия. Нет, не зря она, наученная горьким опытом, не стала в последний раз покупать воздушных элементариев-девочек: они, конечно, были гораздо толковее мальчиков, однако смертельно ревновали кавалеров своего вида к водяным девам и едва ли позволили бы им безнаказанно резвиться вместе при взбивании пены, в результате лишив хозяйку половины наслаждения от водных процедур.

Осмелевшие сильфы между тем набились в отверстия джакузи и начали подавать в мраморный бассейн кондиционированный воздух, который гроздьями крупных пузырьков приятно обтекал кожу госпожи, добавляя и без того чувственному мытью волнующих осязательных оттенков. Бесшумно заработала вентиляция под потолком, вытягивая за пределы пентхауса влажный пар.

– Не давайте мне заснуть, мои хорошие, – промурлыкала Алена, снова прикрывая глаза. – Но знайте меру. Если еще кто-нибудь щипнет меня как в прошлый раз, всех спущу в сортир...

Испуганные наяды удвоили усилия, стараясь при этом действовать как можно осторожнее. Конечно, на самом деле госпожа Эбола едва ли стала бы так бездарно распоряжаться собственным дорогостоящим имуществом, но водяные девочки, прекрасно зная крутой нрав хозяйки, не смели особенно на это полагаться.

Вскоре Алена Ашшурбанипавловна напарилась до полного одурения. Грациозно поднявшись на ноги – воздушные элементарии, зависнув с двух сторон от повелительницы,

словно стрекозы, почтительно поддерживали ее под локти, чтобы она ни в коем случае не поскользнулась, – заложив руки за голову и выпятив грудь, хозяйка милостиво позволила намылить себя аутентичным эфиоплянским скрабом с измельченной абрикосовой косточкой, а потом ароматным французским гелем для душа от Жана Пату. Волосы госпожи Эболы были тщательно и бережно промыты мягким шампунем «Elseve L’Oreal» с керамидами и аккуратно покрыты слоем питательного бальзама с жожоба и алоэ вера от «Lebel Cosmetics».

Интенсивные водные процедуры завершил каскад теплой воды, по сигналу Алены обрушившийся на нее из-под потолка и смывший с ее лакомого тела все лишнее. В воздухе опять засновали мальчишки-сильфы, старательно смазывая поблескивавшую от влаги кожу хозяйки люксовым молочком для тела и щекоча гладкие фотоэпилированные подмышки нежным ароматическим маслом с ароматом жасмина.

Едва девушка вышагнула из бассейна, висевшее до этого на изящном полотенцесушителе полукимоно «Токайдо», черное с красными драконами, как бы само собой проплыло по воздуху, подставляя рукава под ее узкие запястья, наделось на плечи и предупредительно запахло на животе. Из пространства в центре ванной залы родился поток горячего ветра, сконцентрировавшийся на волосах Алены; приняв у натужно трепещущих крылышками сильфов расческу-щетку, она стала неторопливыми движениями сушить свою пышную светлую гриву.

Юркая саламандра опасно высунулась из вентиляционного отверстия под потолком, щуря подслеповатые глаза, но, разглядев, что со стихийным феном все в порядке, деловито кивнула и снова ускользнула на кухню.

Приведя себя в порядок, госпожа Эбола придирчиво изучила свое отражение в зеркале – когда отражению наскучило пристально вглядываться в лицо хозяйки, оно последовательно показало ей язык, оттопырило уши, широко улыбнулось, демонстрируя идеально ровные, на прошлой неделе отбеленные зубы, и игриво чмокнуло пространство в направлении невидимой преграды между физическим миром и зазеркальем, – после чего вышла из ванной чрезвычайно довольная собой и как была, в халате и босиком, отправилась завтракать.

В обширном беломраморном холле с колоннами, которой ей снова пришлось миновать, с недовольным видом топтался затянутый в строгий черный костюм с галстуком мажордом Сергеев, массивной цепью прикованный за ошейник к бронзовой скобе возле дверей лифта. С тех пор, как за многочисленные ненужные дерзости Алена Ашшурбанипавловна окончательно отказала ему в доступе к своему юному телу, он начал довольно болезненно воспринимать визиты молодых соперников.

– Чего ты киснешь, Сергеев? – дежурно поинтересовалась Эбола и, не слушая его угрюмого бормотания, наставительно продолжала: – Когда зая проснется, насильно умыть, вкусно покормить завтраком и выпроводить. Я не сказала «спустить с лестницы»! – на всякий случай добавила она, заметив, как хищно вострепнулся массивный раб-дворецкий при слове «выпроводить». – Имей в виду, что тебе, возможно, предстоит общаться со своим будущим хозяином – если у него, конечно, хватит щедрости, ловкости, выдержки и такта надеть на меня обручальное кольцо. А раз уж он окажется настолько щедр и ловок, то в дальнейшем, конечно, не пожалеет плетей и электрошока, заподозрив тебя в прискорбной непочтительности. Пшел!

Сергеев смиренно поклонился, звякнув цепью, хотя в его блеснувшем на мгновение взгляде отчетливо читалось, что именно он думает о шансах потенциального хозяина на руку и сердце госпожи. Последнюю пару лет мужчины в постели Алены Ашшурбанипавловны менялись с периодичностью листков отрывного календаря, и не было совершенно никаких признаков того, что этому молокососу отчего-то повезет больше, чем предыдущим.

Покинув надувшегося Сергеева, Алена направилась в столовую. Вот здесь-то уж на велосипеде можно было развернуться запросто, если вынести лишнюю мебель.

Едва она перешагнула порог, как в кухне за стеной негромко щелкнул закончивший работу тостер – как и каждое утро, саламандры и гномы принялись за готовку, едва хозяйка завершила физкультурную разминку, и весь процесс был рассчитан с точностью до полуминуты.

В столовой располагался дубовый обеденный стол на двадцать четыре персоны, но госпожа Эбола демократично заняла индивидуальный столик перед плазменной панелью, на котором уже был сервирован легкий завтрак профессиональной фотомодели: свежавыжатый гномами красный апельсиновый сок в высоком хрустальном бокале (апельсины доставили чартером из-под Тосканы), омлет из белков яиц с алтайской экофермы, немного домашнего джема из кумквата в вазочке рубинового стекла, французское трюфельное масло, диетический творожок ручного приготовления с пророщенными злаками и кусочками свежих фруктов, непременно, слышите, непременно крошечная бутылочка натурального кефирчика – после вчерашней алкогольной атаки лактобактерии пищеварительного тракта госпожи Эболы нуждались в срочном интенсивном пополнении – и початая пачка «Триквилара»: Алена не доверяла исполнительным, но туповатым гномам, регулярно путавшим дни недели, и предпочитала извлекать соответствующее противозачаточное драже из упаковки самостоятельно, дабы не рисковать по пустякам.

То есть Алена Ашшурбанипавловна, конечно, отдавала себе отчет, что нормальные фотомодели не завтракают, тем более столь обильно. Но ей нравилось говорить о своем утреннем приеме пищи: легкий завтрак профессиональной фотомодели.

Из ведущего на кухню технического проема в стене выскользнула саламандра, опасно балансируя фарфоровым блюдцем с двумя мягкими румяными тостами из хлеба с отрубями, сгрузила несомое на стол перед хозяйкой, неловко поклонилась и стремительно юркнула обратно в проем, опасаясь, как бы под ее горячими ногами не начала темнеть шелковая скатерть. Один раз так уже случилось, и госпожа закатила грандиозный скандал. Скатерть пришлось выбросить, а дежурная бригада саламандр была жестоко наказана водным обрызгиванием из пульверизатора.

Опустившись за стол, девушка первым делом в несколько глотков опустошила бутылочку кефирчика и облегченно перевела дух, ощутив, как тучи, сгустившиеся в пищеводе за ночь, начинают понемногу расплзаться. Едва проснувшись, она собиралась ограничиться только этой бутылочкой, но теперь, пожалуй, уже была вполне готова к эпическим подвигам – скажем, съесть что-нибудь более ощутимое.

– Телевидения мне, – потребовала Алена, небрежно смазывая теплый тост кумкватным джемом. – Пристойного. Пристойного, я сказала.

Гномы щелкнули невидимым пультом, и циклопическая плазменная панель домашнего кинотеатра напротив обеденного стола замерцала, осветившись изнутри. В верхнем левом углу возникла заставка «CNN News». Девушка чуть поморщилась, словно в джеме ей попалось твердое кислое зерно из маракуйи. Плазменная панель моргнула и предложила вращающийся кубик Рубика круглосуточного канала «Россия 24».

Уголки рта Алены неумолимо продолжали ползти вниз.

Экран снова дернулся и продемонстрировал ведущего новостной программы канала «RAI 1»; впрочем, гномам было известно, что в итальянском хозяйка особо не сильна, поэтому здесь картинка задержалась не более чем на полсекунды. Панель на мгновение заполнила заставка «Russia Today», затем «РБК Daily», затем почти без перерыва – «Fox News», а потом, не дожидаясь очередной брезгливой гримаски госпожи, – белоснежный вращающийся глобус франкоязычной версии «EuroNews».

– Оставить, – распорядилась Алена, с невыносимым наслаждением пригубив прохладного апельсинового сока.

В общем-то, наверное, имело смысл дощелкать-таки до «BBC News». Адепты «Евро-ньюс», не обладавшие ни собственными воинскими подразделениями, ни укрепленными корпунктами в диких землях, ни виртуозными бойцами, едва ли могли считаться истинными творцами Новостей, скорее верными оруженосцами своих старших братьев из более могущественных медиаимперий. Впрочем, они всегда слыли неплохими компиляторами, так что в последние годы для того, чтобы узнать, как идут дела у коллег в зарубежных отделениях ордена, вовсе не требовалось одну за другой просматривать все новостные программы: достаточно было полубопытствовать, что натаскал себе в ленту канал «Евро-ньюс», чтобы пребывать в полной уверенности, что мимо внимания не проскользнуло ничего важного.

Что ж, да будет так.

«...ситуации в секторе Газа, – донеслось с экрана. – Авиация израильтян препятствует перегруппировке палестинских боевиков, нанося массированные бомбовые удары по окраинам Рафаха. В то же время боевики не прекращают ракетные обстрелы жилых кварталов Ашдода. Данные о потерях сторон противоречивы, однако...»

– Эта музыка будет вечной, – вздохнула Алена, распечатывая упаковку нежного твояжка со злаками. Насквозь пропитанный высшей магией пяточок земли, сакральный для трех мировых и двух десятков локальных демонолатрических религий, был слишком лакомым для большинства обладателей Силы, чтобы там когда-нибудь установился прочный мир.

Диктор послушно прервал сюжет и перешел к следующему:

«Встревоженный предполагаемым несанкционированным отбором газа на территории Украины, «Газпром» направил в Еврокомиссию официальное письмо с предложением назначить независимый мониторинг транзитных газораспределительных станций с целью...»

Алена встрепенулась. Между прочим, весьма любопытно, благородные адепты, чем же закончится перманентное бодание ситхов с джедаями по поводу газового транзита. Отложив ложечку, она сосредоточилась, напряглась и привычно *сдвинула* видимую реальность в правильную сторону, вывернув телевизионный сигнал наизнанку.

– К *другим* новостям, – негромко произнесла она сакральную формулу, завершая экзистенциальную метаморфозу.

Картинка на экране немедленно превратилась в истинную, не искаженную ядовитыми эманациями орденских эфирных механизмов Останкино. Теперь это была панорама зловещей магической башни Рунарха, которая сменилась суетой простолюдинов во внутреннем дворе здания РАО «ЕЭС», а затем нарезкой наиболее эффектных кадров из фехтовального поединка между лысым здоровяком в джедайском балахоне и суровым мужчиной средних лет в черном развевающемся плаще. Изменился и закадровый комментарий:

«...пять – три в пользу джедаев «Газпрома». В ходе захватывающего поединка, продолжавшегося четырнадцать раундов на нескольких этажах здания РАО «ЕЭС», мастер Гаумата Топильцын изволил поразить насмерть темного владыку ситхов Дарта Гаспаряна...»

Снятая крупным планом отрубленная голова лорда Гаспаряна, разбрызгивая артериальную кровь, эстетично прокатилась по покрытию офисного коридора, в котором завершился поединок. Молодец дядька Топильцын, славный жеребчик, невзирая на возраст. Придется теперь «Единым энергосистемам России» искать себе другого заместителя председателя совета директоров, достаточно сведущего в магических практиках темной стороны Силы...

«В настоящий момент интенсивные переговоры продолжаются. Пока речь по-прежнему идет о цене газа в 450 долларов за тысячу кубометров, однако если поединщики РАО

«ЕЭС» и дальше ничего не сумеют противопоставить неистовому натиску джедаев, стоимость газа может непредсказуемо повыситься в очередной раз...»

Алена с удовлетворением зачерпнула творожка. На той неделе они с Жанкой Агалаковой удачно поспорили на обед в «Седьмом небе». Подруга утверждала, что джедаи с ситхами ударят по рукам при цене не выше четырехсот, иначе украинская экономика попросту рухнет; Алена же полагала, что это вопрос политический, окончательная цена будет зависеть совсем от других факторов, в частности, от результатов ритуальных поединков, и перевалит за четыреста пятьдесят. А давненько что-то, могущественные иерофанты, госпожа Эбола не баловала себя настоящей парижской фуа-гра из парижского «Au Petit Sud Ouest» с авеню де ля Бурдонне и запретной черной икрой в половинках вареного яичного белка. Пожалуй, уже недели три как. Все времени не было поесть как следует, вся в делах. Отличный повод красиво завершить предновогодний пост и слегка разговеться за счет одной дурочки, не имеющей присущих опытному адепту задатков экономического аналитика.

Дальнейшие *другие* новости занимали ее мало, однако она, пережевывая смазанный трюфельным маслом тост и блуждая мыслями по пояс в запретной черной икре, машинально продолжала смотреть репортажную сводку в *истинной реальности*.

«К *другим* новостям. В Северном море датский рыболовный траулер подвергся нападению мирового змея Йормунганда. Судно повреждено, имеются жертвы. Это уже четвертый подобный случай за последнюю неделю. Напомним, что на прошлой неделе неожиданно вышедший из многовековой спячки мировой змей атаковал норвежскую нефтяную платформу, в результате чего погибли двадцать четыре нефтяника. Эксперты высказывают опасения, что повышенная активность Йормунганда может быть связана с приближающимся Рагнарёком и последующим Готтердаммерунгом, что отрицательно скажется на деловой активности и рынке акций в Европейском союзе на фоне продолжающегося затяжного финансового кризиса; некоторые эксперты не исключают также, что причиной пробуждения мирового змея является глобальное потепление, из-за которого вечные льды Заполярья...»

– Понятно все, красавчик. Дальше, дальше.

«Инцидент на кладбище Пер-Лашез: мертвецы Парижской коммуны ожили под красным знаменем Советов. Войска и полиция блокировали район кладбища и пытаются зачистить территорию при помощи стрелкового оружия, однако кровожадные зомби дважды прорывали полицейское оцепление, так что парижские власти не исключают возможность массовой бомбардировки с воздуха. Погибли восемнадцать солдат, имеются жертвы среди мирного населения. Ситуация осложняется тем, что зомби, прорвавшиеся через ограждение кладбища, автоматически получают статус беженцев, вид на жительство в Евросоюзе, бесплатное социальное обеспечение и помощь правозащитников. В парижской мэрии полагают, что красное знамя на кладбище было тайком пронесено и установлено последователями культа вуду из парижских предместий, где велик процент выходцев из Дагомеи и Гаити...»

Эбола неодобрительно хмыкнула, придвигая к себе второй тост. Понавезли черноты-то в предместья, добрые французские социалисты, вот теперь и целуйте их в попу. Взасос, с оттяжкой. А вы думали, они вам вечно будут за копейки убирать мусор и водить такси? Да здравствует Парижская коммуна!

«На пресс-конференции в Берлине, где Хозяин Тайги находится с официальным визитом, он вновь подчеркнул, что не намерен мириться с размещением вдоль границ своей деспотии масштабной системы магических зеркал Империи Добра, искажающих реальность. Грандиозная система эта, по уверениям Благого Владыки, отнюдь не направлена против бывшей Империи Зла, а призвана спасти вымирающий вид реликтовых ящеров в Судетах. Однако Батюшко Медвед предупредил, что если Евроатлантический магический блок не прекратит провокации, русские будут вынуждены продолжить работы над Вселяющим

Неудержимый Ужас Оружием Возмездия. Напомним, что разработки ВНУОВ, начатые еще нацистскими махатмами и успешно продолженные советскими некромантами, были свернуты после крушения Империи Зла по договоренности с западными благими державами...»

– Оружие, мать его, возмездия, – недовольно пробормотала Алена, с наслаждением облизывая серебряную ложечку. Этой страшилке уже сто лет в обед. Местным крутым пацанам давно пора бы уже смириться, честное слово, что через несколько лет Империя Добра достроит свою стратегическую оборонную систему, за пару часов подавит ржавые астральные излучатели бывшей Империи Зла и начнет диктовать ей правильные условия игры. Может, навяжут наконец русским дикарям в результате очередного крестового похода внятную колониальную демократию и либерализм, а не тот тихий суверенный ужас, что творится сейчас...

По нижнему краю экрана лениво поползла красная полоса с надписью: «Уважаемые телезрители! Если вы впервые видите этот текст, в вашей судьбе грядут невероятные перемены к лучшему. Соблаговолите немедленно и внятно произнести вслух фразу «клаату верата никту» и дождитесь, пока с вами свяжутся наши операторы».

Орден Повелителей Новостей неустанно разыскивал перспективных неофитов для пополнения своих рядов – увидеть на экране телевизора данную бегущую строку мог лишь тот, кто как минимум на бессознательном уровне обладал техникой *истинного* зрения и был способен хотя бы случайно проникнуть испытующим взором вглубь искаженного специально для профанов телесигнала.

Куца, как всегда, сводка «Евро Ньюс» закончилась спортивными новостями. Здесь *истинные* картинка и комментарий полностью совпадали с профанскими – великим иерофантам и посвященным адептам не было чуждо ничто человеческое, в том числе и невинный спортивный азарт. Результаты матчей в дивизионе Харламова Континентальной хоккейной лиги не особо волновали Алenu Ашшурбанипавловну, так что она отдала распоряжение щелкать каналами дальше. Большим поклонником этой бестолковой самцовой игры был каналья Башнин, а посему, благородные девушки, решительно скажем...

– Стоп! – внезапно вскинулась Эбола. – Быстро вернуть!

Испуганные гномы послушно вернули назад картинку ТВЦ, уверенно пролистнутую ими только что, и Алена еще раз, не веря своим глазам, медленно прочла надпись в нижнем углу, о которую споткнулся ее взгляд, когда логотип столичного телеканала на мгновение мелькнул на экране:

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ КОРОЛЕВ

Диктор за кадром рассказывал какую-то чушь о проблемах дорожных работ в Подмоскowie в зимний период, однако это, разумеется, было лишь грубой дымовой завесой для ощупью перемещающихся во тьме невежества человеческих масс.

– А-хри-неть! – старательно проартикулировала Алена, от изумления так и не донеся по назначению очередную ложечку, полную элитного творожка со злаками. – Когда это мы ухитрились продать Московскую область британским королевам, могущественные иерофанты?!

Это была первостатейная сенсация, которую она самым загадочным образом умудрилась прохлопать накануне. Девушка быстро щелкнула пальцами, и несколько сильфов, надрываясь, приволокли ей из спальни айфон. Торопливо разыскивая в электронной телефонной книге номер Светки, которая, сучка, дежурила сегодня ночью в МИДе и наверняка что-то знала про творящиеся события, но ничего не сказала своему лучшему клиенту по скупке сенсационных новостей, – кстати, как чудесно, стильно и остроумно будет теперь поднять ее с постели после ночной смены, когда эта чучундра едва-едва заснула, – Алена вдруг осо-

знала еще одну поразительную вещь: а ведь по окончании сводки новостей «Евроньюс» она расслабилась и, следовательно, прочла загадочную надпись уже обычным, профанским способом. Что-то здесь было куда более чем не так – в открытый эфир столь эзотерическую информацию Нергалыч ни за что не пропустил бы. Костями лег бы, но не пропустил.

Неужели мятеж в ордене?! А-хри-нетъ же, благородные адепты! А она тут сидит в халате и ни черта не знает. Эта штука будет посильнее фаустпатрона доктора Лангвайлера! Если кто-то действительно запустил в общее медиапространство секретные сведения, предназначенные исключительно для внутреннего круга посвященных, то великие демоны придут в бешенство, а последствия для тайного ордена Повелителей Новостей, призванного производить, фильтровать и дозировать поступающую быдлу информацию, окажутся совершенно непредсказуемыми. Но в любом случае трагически печальными.

На всякий случай Алена еще раз сосредоточилась и снова *сдвинула* телевизионный сигнал в правильную сторону, однако и в *истинном* репортаже не оказалось ничего сенсационного. Ну, иссяк один из подмосковных магических источников, всякое бывает... Грустно, но не смертельно.

Взрывоопасная надпись на экране между тем осталась неизменной и в *настоящей* телевизионной картинке.

Да что вообще такое происходит, уважаемые коллеги?! Молчаливый саботаж и итальянская забастовка выпускающей команды? Или кто-то из многочисленных внутренних врагов вроде лихой Магды Тотенкопф просто демонстрирует: вот что мы можем, любезные иерофанты! Типа пока что мы не выдаем прямым текстом скрытую от профанов информацию, пока транслируем по незначительному каналу только одну незначительную *истинную* надпись, которую обыватель все равно не поймет, но если вы к вечеру не доставите в указанное место сто сорок семь с половиной миллионов баксов десятидолларовыми купюрами...

Вслушавшись в закадровый комментарий, Алена сообразила наконец, что речь идет о подмосковном городе Королёве, и в превеликой досаде запустила в плазменную панель пустой розеткой из-под творожка, вокруг которой тут же засуетились гномы-уборщики.

– Нельзя столько работать, – раздраженно произнесла девушка, сбросив вызов и вырубая айфон. – Мерещится потом всякое...

Но орденские цензоры и редакторы с ТВЦ все же отгребут сегодня знатного пистона. На самом деле букву «ё» в русском языке еще никто не отменял. Отнюдь не следует так нервировать высших адептов. В результате кое-кто из разгильдяев может и орденскую книжку на стол положить, и Алена Ашшурбанипавловна не ощутит при этом ровно никаких угрызений совести. Впрочем, посмотрим, насколько высок у нее сегодня будет градус стервозности по приезде на службу. Там она уже и решит в спокойной обстановке, как поступить с негодяями: ограничиться десятком суровых кнутов из конского волоса после смены или сделать категорическое «вон из профессии». Таких проколов прощать нельзя, иначе простолюдины из редакторского отдела окончательно сядут на шею элите Повелителей Новостей.

После завтрака Алена всегда пила в профилактических целях свежесжатый лимонный сок, разведенный один к одному с нежнейшим эспарцетовым медом Горного Алтая в десяти частях теплой воды из исландских минеральных источников: идеальный утренний напиток для понимающих женщин, которые принципиально не желают набирать вес, но при этом жаждут иметь работоспособный кишечник, чистую кожу и устойчивый иммунитет. Не стала она нарушать традиции и сегодня утром, невзирая на остатки раздражения, из-за которого вернулась утихшая было боль в висках.

На этом с едой было покончено.

Переместившись обратно в спальню, девушка сбросила халат на пол – гномы потом подберут, – уселась за туалетный столик и принялась старательно чистить перышки перед зеркалом, время от времени поглядывая на будильник: как обычно, часа после пробуждения

на все не хватило, и она уже начинала понемногу опаздывать. А ну и пожалуйста. Нергалыч мелкими шажками идет на хрен вместе со своими регулярными пистонами. Не может же нормальная среднестатистическая девушка высшего света выйти из дома без макияжа, благородные адепты. И вообще на дорогах, если верить телетексту, невообразимые пробки, хвала Джаггернауту. На сегодня отмазка есть, а в следующий раз поглядим...

Госпожа Эбола пользовалась эксклюзивной косметикой, изготовленной специально для нее умопомрачительно дорогим московским визажистом, державшим салон для своих в одном из переулков в двух шагах от Старого Арбата. У визажиста не было всемирно известного имени, его заведение не называлось никак и не имело вывески – мэтру вполне хватало на жизнь тех сногшибательных денег, которые платили ему единичные солидные клиенты и клиентессы, рекомендовавшие Сергея Васильевича друзьям и не жалевшие средств на его люкс-эксклюзив. Из известных брендов Алена использовала лишь тональный «Crème de La Mer», да и то лишь потому, что тот прекрасно сочетался с ее личной косметической линией, а она давно к нему привыкла и не хотела менять проверенную синицу в руках на журавля в небе, пусть даже и весьма грациозного.

Покончив с макияжем, Эбола отправилась в гардеробную залу и приступила к вдумчивому выбору одежды. Это был ее любимый момент суток, когда она могла проявить весь свой артистизм и продемонстрировать несуществующим зрителям художественную составляющую своей натуры. В некоторых аспектах это, пожалуй, было даже получше секса, дайвинга и боулинга.

В одной половине необъятного помещения свисала с потолка казуальная одежда – джинса, свитшоты, кардиганы, туники, футболки, джемперы, рубашки, водолазки, кюлоты, всякие сарафанчики, брючки, юбочки и спортивные комбинезоны, в другой, так сказать, официальной, – многочисленные офисные костюмы, рабочие блузки, десятки вечерних платьев, от пышных и шикарных до обманчиво скромных (последние обычно стоили дороже всего), орденские мантии и парадный бархатный жакет, украшенный настоящими сапфирами, в котором Алена была на последней церемонии вручения Оскара. Ступенчатые полки были от стены до стены уставлены стильной обувью на любой случай и вкус. Вдоль одной из стен располагались модные аксессуары: сумочки (одних только «биркиных» ценой от пятнадцати тысяч уёв не меньше дюжины), ремни, пояса, шляпы, изящные кошелечки, стойка с солнцезащитными очками.

Много предметов одежды было от Ярославля, как в среде отечественного элитного консюмеризма ласково называли Сен-Лорана соответственно его фирменному вензелю: YSL.

Тщательно упакованный в пыленепроницаемый чехол, на расчищенной от прочего тряпья территории два на два метра между двумя частями гардеробной обитал совершенно невероятный барбадос дресс, изумительный эксклюзив от Кристиана Лакруа, соблазнительно обтекавший фигуру мягким серебристым сиянием, складки которого эффектно струились и постоянно меняли очертания, словно хрустальные воды горного ручья. Стоил он без малого сто пятьдесят тысяч уёв, однако фурор с его помощью на приеме у Хозяина Тайги госпожа Эбола таки произвела, и Ксюшечке Собчак с Алиночкой Кабаевой в дорогущих тряпочках от Диора оставалось лишь зыркать на нее голодными волчицами – а следовательно, чудовищные деньги были потрачены отнюдь не зря. Собственно, ради таких триумфальных мгновений, благородные адепты, и стоит жить.

Алена с удовольствием натянула трусишки с китайскими иероглифами «минь го». Элитный сучжоуский шелк приятно ласкал кожу, словно послушный и умелый самец. За трусиками последовали мягкий лифчик в тон, белая блузка, чулки, строгая, хоть и укороченная до предела всяких дресскодных приличий офисная юбка-карандаш и студийный пиджак. Одевшись, Алена придирчиво изучила себя в огромном зеркале и пришла к выводу, что сегодня ее внешность, пожалуй, предельно близка к идеалу. Как, впрочем, и во все осталь-

ные дни, следует заметить. Она принципиально не выходила из дому, не прихватив с собой близкую к идеалу внешность.

Госпожа Эбола снова выбралась в холл – теперь уже бодрая, сытая, стильно одетая, ухоженная и уверенная в себе. Еще раз полюбовалась собой в зеркало, висевшее у двери. Из зеркала ей дружелюбно подмигнула чертовски обольстительная деловая женщина в ахри-неть каком дорогом костюмчике и с волосами пшеничного цвета, собранными на затылке в аккуратный хвост, открывающий чудесные чувствительные местечки за ушами, которые так любят целовать самцы. Надев высокие сапожки от Роберто Кавалли и короткую меховую курточку «Fendi» ценой примерно в автомобиль «Ford Fusion», она вызвала лифт, спустила с цепи раба-дворецкого и ласково потрепала его по холке:

– Сергеев, место! Охраняй. И про заю не забудь!

Панически вереща, сильфы притащили ей из столовой забытый впопыхах айфон. Она небрежно бросила его в крокодиловую сумочку «Birkin», шагнула в кабинку лифта, беззвучно распахнувшую створки дверей, и напоследок послала остающимся дома мужикам воздушный поцелуй.

Личный оператор-элементаль едва успел проскользнуть следом за хозяйкой и принялся описывать негодующие круги над ее головой.

Лифт экспрессом, не реагируя на промежуточные вызовы с других этажей, доставил ее в отапливаемый подземный гараж. В принципе, особой необходимости в верхней одежде не было вовсе: на службе госпожа Эбола тоже сразу ныряла в охраняемый гаражный комплекс под телецентром, откуда можно было попасть на лифте в орденские помещения, а в машине имелась мощная печка-кондиционер. Однако с сумасшедшим московским трафиком никогда не знаешь, где и на какое время застрянешь и где в конце концов окажешься; не исключено даже, что некоторое время придется пешком месить грязь на свежем воздухе.

Алена уверенно прошагала мимо длинного ряда дорогих машин, уселась за руль своего «Range Rover SVAUTOBIOGRAPHY», бросила сумочку «Birkin» в перчаточный ящик у подлокотника и резво выкатила из гаража. Оператор занял свое место перед лобовым стеклом и принялся усердно записывать происходящее по ходу движения, хотя этот повседневный материал, конечно, на фиг никому нужен не был. Однако элементалю полагалось постоянно пребывать в рабочей готовности – вдруг да попадется по дороге что-нибудь интересное. Ну и, кроме того, его вполне можно было использовать как автомобильный видеорегистратор, хотя это для адепта ордена Повелителей Новостей было не особо актуально.

Вклинившись в общий поток, госпожа Эбола врубила сирену и проблесковые маячки, цвет которых свидетельствовал о принадлежности их владельца к Повелителям Новостей. Обыватели едва ли были способны отличить орденские цвета от правительственных и мили-цейских, да и пес с ними, не для них делалось; главное, что они видели грозную мигалку на солидной машине, прочее факультативно.

Однако в таком плотном потоке даже «крякалка» помогала мало, обывателям просто некуда было сдать, чтобы уступить дорогу спецтранспорту. Справа величественно, словно айсберг впритирку с бортом «Титаника», проплывал скальный массив элитного жилого комплекса «Триумф Палас», в одном из пентхаусов которого Алена свет Ашшурбанипавловна имели честь проживать.

Третье транспортное кольцо в обе стороны, Ленинградка, Большая Академическая, Руставели и прилегающие переулки, если верить навигатору, стояли мертво. Однако Алена не стала пробиваться к Московской кольцевой автодороге, как сделал бы на ее месте любой склонный к авантюризму самец из профанов, чтобы, заложив солидный крюк, выскочить прямо к Ботаническому саду и ВВЦ через Дмитровское шоссе. Вместо этого она упрямо влилась в почти неподвижный ряд машин, стоявших в центр.

Впрочем, госпожа Эбола выбиралась в город не в первый раз и вполне осознавала, что делает. Из-за третий год проводимого расширения Ленинградского шоссе, сузившего означенную транспортную артерию до пары полос в каждую сторону и перекрывшего вокруг нее множество мелких улиц, невозможно стало ни толком свернуть на Алабяна, ни быстро развернуться через встречный поток в сторону области. Да и МКАД сейчас тоже запросто мог еле-еле ползти. Через центр было куда надежнее, тем более что дотянуть следовало только до Белорусской, а там уже проблемы с дорожным движением отпадали автоматически.

Распугивая рядовых автолюбителей милицейской «крякалкой» и в полный голос кляня придурка Джаггернаута, Эбола не сказать чтобы достаточно быстро, но вполне уверенно продвигалась вперед.

С тем, что путь от «Аэропорта» до «Белорусской» по милости владыки автотрасс займет больше получаса, в то время как ночью здесь и пяти минут не выходит, она уже давно смирилась как с неизбежным злом, но голова снова болела так нестерпимо, что ей хотелось выместить хоть на ком-нибудь свое сугубое несогласие с несовершенством мироздания. Не ругать же, в самом деле, Верховного Архитектора, допустившего в своем проекте благополучное существование таких олухов, как Джаггернаут: это нелепо, недостойно истинного посвященного, да и просто бесполезно. Архитектор все равно не услышит, а если и услышит, то не обратит внимания на такую чепуху.

Демон автомобильного движения был неистово, неопишимо, неудержимо кровожаден. Ежегодно он забирал на курируемых им российских трассах несколько тысяч жизней случайных водителей, и это еще не считая тех, кого он безжалостно и сладострастно калечил в авариях. При этом год от года Москва все сильнее задыхалась в пробках, а Джаггернаут даже не думал как-то разруливать ситуацию – его вполне устраивало сложившееся положение вещей. Архимэр уже неоднократно поднимал вопрос о том, чтобы законодательно сократить число ежегодных жертвоприношений ленивому безумцу, однако владыки ситхов каждый раз накладывали вето на предложения Архимэрии: у них с транспортным демоном был неплохой совместный бизнес.

Ну, еще бы. Алена ехидно усмехнулась. Им-то в любом случае не грозит угодить в пасть прожорливого божка – впрочем, так же, как и любому адепту из ордена Повелителей Новостей. Как известно, правила писаны исключительно для простых смертных; все люди равны, но некоторые гораздо, гораздо равнее прочих.

Впрочем, Джаггернаут и без ситхов умел эффективно отстаивать свои интересы. Пару лет назад Санитарная Служба наложила очередные ограничения на мощность вредоносных для человеческого организма магических эманаций, при помощи которых высший демон приводил в движение тысячи самобеглых экипажей в пределах кольцевой автодороги. Тогда раздосадованный Джаггернаут на двадцать четыре часа полностью прекратил автотрафик, и столицу постиг транспортный коллапс. Учитывая, что к забастовке охотно присоединился Мастер Шем, покровительствующий метрополитену имени ринпоче Ульянова (Ленина), разразился форменный конец света.

У Шема хотя бы имелись реальные причины для серьезного недовольства: исправно обеспечивая, в отличие от бездельника Джаггернаута, бесперебойную работу московских транспортных подземелий, он имел за это всего несколько десятков жертв в год, которые якобы самостоятельно сводили счеты с жизнью под колесами электропоездов или погибли в терактах. В любом случае Санитарной Службе пришлось засунуть язык в задницу, а Архимэру, в очередной раз жестоко униженному Рунархом ситхов, – отложить свои пре-краснодушные прожекты до лучших времен.

Между «Динамо» и «Белорусской» обнаружилась одна из причин сегодняшней внушительной пробки. Огромный бетоновоз вбил темно-синюю «тойоту» в корму троллейбуса с такой силой, что легковушку сложило между крупногабаритными машинами чуть ли не

вдвое, словно полураскрытый диван. Размазанная колесами снежная слякоть вокруг места происшествия была щедро замешена на крови, как бы наглядно демонстрируя всякому любопытствующему, что у водителя «тойоты» не имелось ни малейшего шанса выжить.

Вид бездонного черного провала, в который превратилось выбитое окошко разбитой иномарки со стороны водителя, вызывал неконтролируемую дурноту, однако вместе с тем намертво приковывал взор. Алене нестерпимо хотелось заглянуть туда поглубже, мучительно вытягивая шею, чтобы хоть на мгновение из самой не понятных соображений поймать в этой гипнотизирующей глубине безмерно удивленный взгляд мертвых глаз.

Возле места аварии уже возились с гидравлическими ножницами двое спасателей, машина которых стояла чуть впереди, дополнительно загромождая проезд. По их неспешным, полным внутреннего достоинства несуетливым движениям также можно было с уверенностью определить, что из сплюсненной «тойоты» спасти уже некого, а труп в принципе все равно, с какой скоростью его извлекут из исковерканной консервной банки и уложат на грязный снег в ожидании кареты «скорой помощи», которая безнадежно застряла где-то на полдороге в титанической пробке.

Зато рядом со спасателями за двоих суетился невысокий паренек-эмо с модной двухцветной прической и тремя серебряными кольцами в левом ухе. Он то чуть ли не с головой забираясь в окошко разбитой «тойоты», то пятился от нее на несколько шагов, заставляя шарахаться в сторону проползающие мимо автомобили. Губы его непрерывно шевелились, словно он читал магическое заклинание. Над его макушкой парил незримый для непосвященных элементаль, производивший панорамную съемку, – стало быть, парнишка делал закадровый комментарий.

Коллега, значит.

Зацепив краем глаза мельтешение орденских проблесковых маячков, паренек резво развернулся на девяносто градусов, сунул руку за пазуху и, нервно оскалившись, выдернул из подмышечной кобуры неуклюжее плазменное стрекало. Направил его на автомобиль Алены Эболы, дожидаясь, пока конкурент приблизится.

– Это мой инцидент, вы! Падальщики! – пронзительно закричал малолетка, срываясь на хрипкое клокотанье, словно простуженный петушок. – Это я его спровоцировал!.. Давай проезжай мимо! – Он наконец разглядел через слабо тонированное стекло, что Эбола в машине одна, и тут же воровато оглянулся через плечо, словно проверяя, не подбирается ли ее напарник со спины.

Мелкий какой, равнодушно подумала Алена, притормаживая возле места аварии и с интересом разглядывая направленное ей в лицо стрекало. Бакалавр-практикант, наверное, еще даже и не нюхавший магистратуры, а уж об аспирантуре вообще многозначительно умолчим, благородные адепты, дабы окружающие не умерли со смеху. А-хри-нет, он что, всерьез решил, что фигура ее масштаба способна промышлять такими дохлыми новостями, да еще и отбирать их у малышни, или он просто малость подслеповат и не видит, на кого булку крошит? Испуг малька был неподдельным – видно, уже не раз попадал в ситуации, когда старшекурсники нахально лишали его заслуженного барыша.

Алена неторопливо, с многократно отрепетированной едва заметной змеиной полуулыбкой переместила взгляд чуть выше, упершись им в переносицу неофита. В принципе, в перчаточном ящике у нее как раз для подобных случаев лежала плазменная плеть-треххвостка, весьма изящное, стильное и эффективное оружие деловых женщин, имеющих высокую степень посвящения, которое превосходило жалкое стрекало по всем тактико-техническим характеристикам, в том числе по гламурному внешнему виду и головокругительной стоимости. Однако по любому поводу подобные веские аргументы пускают в ход только такие вот малолетние самчики, опьяненные тем, что им впервые в жизни доверили крошечную власть, и в результате сами регулярно попадающие в сводки происшествий ордена

Повелителей Новостей. Для решения подавляющего большинства конфликтных ситуаций опытному адепту не нужно оружия, достаточно ледяного хладнокровия и аристократического величия.

Стрекало в руке парнишки ходило ходуном. А ведь ты, дружок, тоже любишь стильно колбаситься по ночам, машинально отметила про себя девушка, только наверняка предпочитаешь щенячьи кислотные рейвы. Эту ступень духовного развития она уже благополучно миновала целую вечность (два года) назад.

Эбола остановила машину напротив агрессивного коллеги и, игнорируя нетерпеливые сигналы профанов за спиной, не меняя выражения лица, любовалась переносицей юного теленка-эмо. Мордашка на четверочку с минусом, вполне ухоженные ногти, насколько можно разглядеть с такого расстояния, узкие кисти, дорогая кожаная куртка, хорошая обувь – хотя Алена и не одобряла в мальчиках девчокообразности, в другое время она бы даже не отказалась познакомиться с этим неофитом поближе и побаловать себя молодым неопытным мяском. Но теперь он жестоко наказан за свою недопустимую дерзость и не получит сладкого.

Дуэль амбиций продолжалась всего несколько мгновений, после чего дерзкий юнец дрогнул. Сначала он прекратил орать. Потом уронил стрекало на уровень пояса. Потом безвольно выпустил из рук свое оружие, которое тут же брякнулось на асфальт, и начал медленно опускаться на колени.

– Простите, высокая госпожа, – пробормотал он, утвердившись на четырех конечностях и потерянно глядя на ледяную слякоть, выдавившуюся между его пальцев. – Я не хотел... Я страшно ошибся... Нижайше прошу вас простить меня, почтенная сестра... У меня мама болеет и у подруги тест... положительный... тест на беременность... а я никак не закончу... никак не сдам... у меня курсовая...

Он бормотал и бормотал, голос его звучал все тише, пока совсем не пресекался. Двадцать первый градус посвящения, безошибочно определила на глазок Алена. Сопляк. Маменькина дочка. Ему пока не доверены даже малейшие тайны ордена. Так, еще только пытается под руководством опытных иерофантов уложить обывательский хаос в своей небольшой головке, только подбирается к пониманию истинной ткани бытия...

Алена включила «крякалку» и от души крякнула ею прямо в лицо мальку, так что тот даже вздрогнул всем телом от неожиданности. Так и не удостоив дрянного мальчишку ни единым словом, она тронула машину с места, проехала мимо, едва не чиркнув бортом по склоненной желто-коричневой макушке коллеги, и снова влилась в общий поток дорожного движения.

Бросила взгляд в зеркало заднего вида – крайне осторожный и незаметный, чтобы ненароком не разрушить умело выстроенного имиджа Снежной королевы, – и обнаружила, что студент-недоучка по-прежнему неподвижно стоит на четвереньках, понуро свесив голову, и не собирается подниматься. Видимо, позорный инцидент чрезвычайно сильно подействовал на него. Если бы Алене было сейчас столько же, сколько ему, а дело происходило на физкультуре в универе, она наверняка не удержалась бы, чтобы не отвесить ему знатного унижительного пендаля.

Некоторое время спустя автомобильная пробка, в которую Алена Ашшурбанипавловна оказалась впяна словно мушка в медленно движущуюся по стволу дерева каплю смолы, доползла до Белорусского вокзала. Здесь девушка с неопишным наслаждением развернулась из крайнего ряда через двойную сплошную линию, резко отвалила через встречу в переулок и нырнула в один из перегороженных шлагбаумом дворов, в глубине которого угадывались арка и несколько свежееотремонтированных фасадов – не то комплекс зданий коммерческого банка, не то шикарный фитнес-центр, не то косметическая клиника.

Вопреки устоявшемуся профанскому мнению, двигаться в центре было куда легче, чем на окраинах. С маленьким уточнением: для адепта, имеющего соответствующий градус посвящения.

Несмотря на бешеную дороговизну земли в центре города, многие градостроительные просеки, проделанные при великих владыках Сталине и Хрущеве в жилых кварталах Арбата, Зарядья, Замоскворечья и Остоженки, так и не были застроены; не стесненные в средствах священные ордена и религиозные организации еще тогда выкупили их, дабы превратить в секретные трассы, по которым адепты могли бы без пробок и светофоров, с ветерком перемещаться в пределах Садового кольца.

Въезды на эти трассы с обычных улиц и бульваров были замаскированы охраняемыми внутренними дворами ведомственных зданий и других солидных учреждений. Едва ли кто-либо из обычных автомобилистов догадывался, что под какой-нибудь неприметной аркой со шлагбаумом, будкой охранника рядом и висящим сверху «кирпичом» вовсе не тупик, а начало широкого проспекта, по которому в обоих направлениях изредка проносятся со скоростью свыше ста километров в час орденские авто. Сверху во избежание обнаружения с воздуха случайным профаном над каждой из трасс был наведен сложный морок, представлявшийся взгляду непосвященного мешаниной кирпичных домов, тихих дворишков, набережных, скверов и непроходимых улочек.

«С вами «Радио Бафомет», – доносилось из автомагнитолы, в то время как Алена Эбола лениво покручивала рулем, выжимая по прямой сто восемьдесят. Мимо стремительно проносились глухие стены зданий; жильцы и офисные работники даже вообразить себе не могли, что в нескольких метрах от них проходит одна из секретных городских трасс, скорость на которых ограничена лишь возможностями двигателя. – Во имя Альмонсина-Метатрона, братья и сестры! Мы продолжаем знакомить посвященных адептов внутреннего круга с *другими* новостями, составляющими истинную ткань бытия. Приносим нашу смиренную благодарность рыцарскому ордену тамплиеров за информационную и спонсорскую поддержку...»

На самом деле «Радио Бафомет» легко мог поймать любой профан. Вот только для него оно называлось бы «Лав радио» и в настоящий момент транслировало бы дурацкую рекламу между двумя попсовыми хитами. Чтобы узнать *другие* новости, тамплиерскую радиостанцию следовало слушать *истинным* слухом.

«Сегодня четверг, восемнадцатое декабря. В Москве чудесный день, четыре градуса мороза, изредка даже солнце. В истории эта дата весьма примечательна. В этот день родились владыка Иосиф Сталин, а также другие великие грешники – Кит Ричардс, Стивен Спилберг и Кристина Агилера. Восемнадцатого декабря 532 года король Теоден начал защиту Хельмовой Пади от превосходящих сил противника под командованием Сарумана Белого. В 1865 году после величайшего кровопролития в истории Империи Добра в Штатах было законодательно отменено рабство – в связи с тем, что смертные не имеют права иметь рабов, тем самым ставя себя на одну доску с великими демонами. В 1916 году было завершено сражение под Верденом, вошедшее в историю как «Верденская мясорубка»: суммарные потери Германии и Франции составили около восьмисот тысяч человек.

В восемнадцатом маги Реввоенсовета в этот день утвердили первую форму обмундирования для Красной армии, в которой в то время вместо Звезды Адама использовалась Звезда Люцифера. В двадцатом году китайцы продолжали разбирать завалы после страшного землетрясения, унесшего более двухсот тысяч жизней, а в тридцать шестом в Сиане бушевало восстание гоминьдановских войск, пораженных вирусом вампиризма. В сороковом году владыка Гитлер подписал в этот день план «Барбаросса», в сорок четвертом вовсю разворачивалась демоническая битва в Арденнах, в которой погиб знаменитый боевой маг Стив Роджерс, более известный как первый Капитан Америка, а в сорок пятом по служебной записке вла-

дыки Берия правительство СССР приняло постановление о привлечении пленных нацистских чернокнижников к работам по урановой проблеме.

Восемнадцатого декабря сорок шестого после провала франко-вьетнамских переговоров Париж выдвинул войска для захвата резиденции архата Хо Ши Мина в Ханое, что положило начало многолетней религиозно-колониальной войне. Восемнадцатого декабря сорок восьмого голландской армией в Индонезии арестовано правительство некроманта Сукарно, а в пятьдесят втором Лондон все еще не мог оправиться от недели чудовищного смога, которой стала следствием грандиозного события, вошедшего в историю как Битва Трех Элоимов, и унес в начале декабря жизни четырех тысяч человек.

В пятьдесят шестом Япония была принята в ООН, из которой вышла четыре года спустя, после того, как Совет Безопасности запретил Стране восходящего солнца разрабатывать скалярное оружие для отражения участвовавших атак на японское побережье Годзиллы, Гидоры и Эбиры, ужаса глубин. В 1977 году в США впервые появился в свободной продаже английский перевод «Некрономикона». Вечером этого же дня ровно через двадцать лет в разных городах Японии дети стали биться в судорогах – массовые эпилептические припадки были спровоцированы просмотром популярного мультсериала «Покемон», при съемках которого для удешевления производства были использованы низшие формы бытовой магии.

Наконец, восемнадцатого декабря 1998 года, впервые за сто тридцать лет и во второй раз за всю историю Империи Добра, палата представителей Конгресса официально начала процедуру импичмента своего верховного владыки – как вы помните, светлый властелин Клинтон изволил перепачкать платье простолюдинки Моника Левински своим благородным семенем, и столь безрассудное расходование элитного генетического материала вызвало справедливое негодование конгрессменов.

Сегодняшний день едва ли будет столь же драматичным и богатым на события, однако кое-что любопытное ожидается и восемнадцатого декабря сего года. В частности, пройдет очередной раунд переговоров между ситхами и джедаями по газовой проблеме; поскольку до консенсуса пока далеко, судя по всему, к вечеру появятся еще два-три высокопоставленных трупа. Следите за новостями. В Челябинске ожидают прибытия Цатогвы, который в виде грозового фронта проследует над центром города во второй половине дня; по области объявлено штормовое предупреждение, а на центральной площади будут принесены в жертву юные девственницы, дабы отвратить демонического владыку от необдуманных поступков. И – последнее по очередности, но не по значению, – сегодня свирепый демон Мабузе, игрок, в очередной раз собирает дюжину верных Повелителей Новостей в своем логове под Останкинской башней, дабы подвести итоги работы ордена за месяц. . .»

От неожиданности Алена дернула рулем с такой силой, что едва не пихнула в бок обгонявший ее черный глухой лимузин с Головой Адама на капоте – серебряным черепом и скрещенными костями.

Черт! Черт!!! Черт!.. Как же она могла забыть?! Вот ведь дура же! Ну дура же набитая! Коза!..

Она еще прибавила скорости, так и не дав попутному тамплиеру обогнать себя. Одной рукой девушка продолжала удерживать руль, другой откинула крышку перчаточного ящика и принялась судорожно рыться в сумочке. Пару раз едва не вписавшись в бросающиеся на машину то слева, то справа стены зданий, Алена зарычала от бешенства и вывернула крокодиловый «Birkin» прямо на пассажирское сиденье.

Мучительно скосила один глаз, стала копаться в образовавшейся куче барахла: косметичка, платок, прокладки, картонная подставка под «Paulaner» с записанным карандашом неопознанным четырехзначным номером, зажигалка, какие-то ключи без брелока. . . не то, не то. . . презервативы, коньячная карамель, вторая коньячная карамель, орденское удостове-

ние, еще презервативы, господи, куда ж мне столько, флэшка, резиновый дядюшка Скрудж... а, вот ты где, приятель... палм, еще флэшка, надорванная упаковка «Колдакта», еще зажигалка, для чего же мне две, презервативы, мать их, тушь для ресниц отдельно от косметички, сигареты, потрепанный Олег Рой, платиновая банковская карточка «Уралсиба», австралийский брелок без ключей, кстати, почему бы их наконец не...

Айфон. Бинго.

Бинго-пребинго.

Девушка цапнула сотовый, поднесла к глазам, периферийным зрением пытаюсь следить за дорогой. Если бы дело происходило не на пустынной трассе, давно бы уже разбилась ко всем чертям, дура набитая.

Зажав айфон в ладошке и резво орудуя большим пальцем, пробежалась по опциям системного меню. Да, вот оно, в органайзере, огромными буквами: «ЗАВТРА К ХОЗЯ-ИНУ!!!» Эта напоминалочка должна была начать пищать вчера с утра и делать это строго каждые два часа.

Но никакого писка не было, милостивые иерофанты, и флажок в опции снят.

Когда и каким образом она ухитрилась смахнуть настройки?! Дура, набитая дура!

И коллеги тоже хороши – обычно кто-нибудь в монтажной накануне аудиенции непременно лениво обронит, чтобы покрасоваться перед неопитами, что завтра, дескать, опять к повелителю, как же достали эти ритуалы очищения и воздержания, и до чего же потом, после церемонии, болит поясница... А в этот раз ни одна собака не намекнула даже! Благодарные, так вас всех распротак через одно место, адепты...

Она крылатой ракетой выметнулась с секретной трассы на проспект Мира и, распугивая профанов пронзительной сиреной, устремила к горизонту, над которым угрюмо возвышалась громада Останкинской телебашни – обиталища, узилища и надгробного памятника великого демона Мабузе.

Демон Мабузе был азартный игрок и большой охотник до всего нового. Он шел по жизни с широко раскрытыми глазами, жадно впитывая зрелища, звуки, запахи, вкусы, тактильные ощущения – и особенно новости.

Рассказывали, что некогда демон сей был воистину велик. Его громовой хохот разносился над обширными территориями, его тяжелая поступь раскалывала горы. Ему не было равных. Однажды он возглавил восстание духов тьмы против деспота Йеговы и решительно сокрушил последнего. Тысячу лет после этого содрогалась земля под раздвоенными копытами демонических полчищ Мабузе. Он уничтожал любого противника с изумительной легкостью, словно рубил кривой шумерской саблей прибрежный тростник. Он нависал над своим воинством, словно скальный массив над затерянной в снегах альпийской деревушкой. Его боялись даже эгрегоры, даже элоимы избегали вступать с ним в прямое противостояние из опасения невзначай опозориться перед лицом низших благих сущностей.

Не грубая сила сломала великого демона Мабузе – чужое коварство и собственное бесплодное томление духа. Завоевав почти весь земной диск и став неоспоримым князем мира сего, Мабузе вдруг осознал, что мир горний далек от него так же, как и в начале карьеры, – и безнадежно затосковал о несбыточном.

Однако для того, чтобы если даже не превзойти Верховного Архитектора, то хотя бы попытаться сравняться с ним в творческой потенции, следовало постичь Великий Проект Мироздания, дабы выработать необходимый инструментарий для аналогичной работы и избежать допущенных предыдущим разработчиком системных ошибок.

Когда Мабузе пришел к такому выводу, его несметные полчища находились в северо-западных областях земного диска, на территории диких доарийских народов, поклонявшихся Большому Змею, Солнечному Охотнику и Белой Матери-Оленихе. Он вдруг застыл как вкопанный, устремив на соратников безумный взгляд, потом опустил наземь и хрип-

лым от волнения голосом потребовал крепкого скифского вина, запретных книг и звездных карт.

Много дней и ночей прилежно изучал Мабузе древнюю мудрость, но ни на шаг не приблизился к пониманию замысла Верховного Архитектора. Тогда он осерчал и потребовал еще книг и юных девственниц, которые могли бы скрашивать его научные досуги и помогать им стенографированием. К исходу столетия уставшее от бесплодного ожидания командира демонического войско начало понемногу разбредаться по окрестным долинам и терроризировать местное население, а один из полководцев Мабузе, Абрахас, уже даже перестал делать вид, что передает подданным приказы своего господина, и открыто узурпировал верховную власть.

Меж тем великий демон Мабузе продолжал лихорадочно изучать земную и небесную плоскости. Культурный слой и оседающая космическая пыль по истечении веков понемногу воздвигли вокруг него мощный бруствер, а затем и вовсе покрыли с головой.

Через полтора тысячелетия почти все уже забыли о некогда великом демоне Мабузе. Почти все – кроме Абрахаса, который отчетливо понимал, что является князем мира сего лишь до тех пор, пока хозяин не выбрался из берлоги и не послал его в нокаут одним ударом каменного кулака. Поэтому коварный узурпатор потратил много сил и средств, чтобы его бывший сюзерен как можно дольше безвылазно сидел в своих подземных пещерах.

Абрахас взялся регулярно доставлять Мабузе всю научную, техническую и эзотерическую документацию, какую только мог достать в земном круге, а когда заподозрил, что великий демон действительно близок к расшифровке кода Вселенной, и вовсе принялся усиленно фальсифицировать поставляемые боссу книги.

С этой целью из числа смертных был сформирован тайный религиозный орден Повелителей Новостей, имевший крупные отделения практически во всех державах ойкумены. Сотни писцов целыми днями записывали за фальшивыми философами, ханжескими праведниками и просто талантливыми душевнобольными сотни томов метафизического бреда. В результате находившийся уже совсем рядом с желанной целью демон Мабузе, игрок, свернул на окольную тропу ложного знания и побрел в сторону от истинного понимания процессов, движущих Вселенную.

Лживая литература, предназначенная для владыки, неизбежно стала поступать в народ. Книг в те суровые времена было маловато, поэтому по дороге из дальних стран драгоценные манускрипты копировались, разворовывались и расплзались среди профанов, приобретаемая среди них немалый вес и авторитет – ведь Абрахас держал в строжайшей тайне, что орден Повелителей Новостей специально фальсифицирует знания, а вера в правдивость письменного слова к тому времени еще не умерла окончательно. Таким образом, человечество, ранее хотя бы приблизительно представлявшее себе структуру мироздания и свое незавидное место в нем, понемногу начало прискорбно терять всякие моральные ориентиры и научные реперы.

Однако истинную мощь Лживого Слова князь мира сего оценил только после знаменитого казуса с мухой Аристотеля. К тому времени Абрахас уже давно канул во тьме веков, и место верховного демона занимал кровожадный Бафомет. Именно он первым обратил внимание, что некогда извергнутый иерофантом ордена Повелителей Новостей Аристотелем бред о том, будто у мух восемь ног, пережил больше двух тысячелетий.

На самом деле многие естествонаучные глупости, порожденные адептами ордена, плавно перетекали из века в век – например, что жабы самозарождаются из зарытых в навоз уток, а шляпки серебряных гвоздей, вбитых Верховным Архитектором в небесную твердь при отделке фасадов мироздания, якобы являются гигантскими раскаленными шарами, вращающимися в бесконечной пустоте высоко над нашими головами. Однако ситуация с мухой Аристотеля оказалась совершенно особенной, поскольку, в отличие от прочих лож-

ных утверждений, эту информацию было крайне просто проверить – достаточно было поймать комнатную муху и пересчитать ей лапки. Меж тем несколько исторических эпох подряд тысячи естествоиспытателей предпочитали не верить собственным глазам, упорно повторяя ошибку неоспоримого научного авторитета, спровоцированную неумеренным употреблением крепкого скифского вина и ароматического бамбука.

Чрезвычайно изумленный таким свойством человеческого сознания слепо доверять авторитетам, Бафомет серьезно задумался. К тому времени хоть человечество и расплодилось чрезмерно, предоставляя демоническим существам обильную кормовую базу, бурная деятельность ордена Повелителей Новостей все же привела к нежелательным побочным эффектам – она пробудила в людях дух исследователей и первооткрывателей. Слишком большой поток информации заставлял людей совершенствовать свою логику и понятийный аппарат. Вместо того чтобы скромно внимать высшим демонам по любым бытовым вопросам, люди стали проявлять слишком много своеволия. Люди начали жаждать новых знаний, словно очередной дозы тяжелого наркотика. Резко увеличилось количество праведников и боевых магов, способных низвергать в гулкую пустоту низшие демонические существа и бросать вызов высшим. Все чаще люди дерзко разговаривали с демонами на повышенных тонах. Подобное положение дел было совершенно недопустимым.

Именно тогда Бафомет и дал старт многовековой стратегической программе по массовой дезориентации общественного сознания смертных, и все последующие великие демоны охотно пользовались его талантливыми наработками. Человеческие авторитеты, подавляющее большинство которых были членами того или иного тайного религиозного ордена, принялись целенаправленно внедрять в головы своей паствы заведомо ложные постулаты и пагубные фальшивые идеи.

Первого значительного прорыва в этой области задолго до Бафомета сумел добиться еще великий демон Иегова, когда путем несложных манипуляций со священными текстами и пророчествами убедил целый народ неглупых вроде бы людей в своей милосердной и справедливой сущности, в то время как на самом деле не было в истории земного круга другого столь же свирепого, кровожадного и беспринципного существа, с сопоставимой алчностью опустошавшего свои кормовые угодья. Однако настоящего успеха высшим демонам удалось достичь, когда с наступлением эпохи Просвещения Бафомет и его главный конкурент Иальдабаоф на пару сумели внушить профанам, замороженным внезапно осознанным величием собственного слабого ума, будто потусторонних существ не бывает в принципе.

Этот весьма сильный ход открыл перед демонами поистине безграничные возможности. После исчезновения с человеческого горизонта темных сил неизбежно обнаружилось, что древние санитарные нормы, направленные на защиту от потустороннего, – просто предрассудки. Самые чудовищные и омерзительные грехи, невероятные еще сто лет назад, стали повседневной будничной практикой, предоставляя обширную кормовую базу для растущей армии бесов, питающихся наиболее низменными человеческими страстями. Локальные войны, некогда уносившие в преисподнюю десятки тысяч воинов, переросли в мировые и начали ввергать в бездну десятки миллионов.

Мир, в котором когда-то тысячелетиями виртуозно удерживалось хрупкое равновесие между духом и материей, в котором смертные герои могли на равных биться с богами и чудовищами в сражениях при Трое, Фермопилах, Хельмовой Пади и Пуатье, окончательно стал добычей inferнальных хищников.

Раньше информацию, поступающую Мабузе с воли помимо сформированного Повелителями Новостей потока, чрезвычайно строго фильтровали, дабы картина мира, выстраиваемая для великого демона, не контрастировала с просачивающимися извне настоящими новостями; с тех же пор, как орден Повелителей Новостей стал сочинять виртуальную вселенную абсолютно для всех профанов земного диска без исключения, бывшему князю мира сего

начали просто сливать общедоступные данные из открытых источников, чтобы не делать двойную работу. Теперь истинную картину мира были способны наблюдать лишь нематериальные сущности и духовные иерархи смертных – адепты и иерофанты религиозных орденов, астральные владыки, оккультные рыцари, некроманты, архаты и ринпоче, другими словами, те, кто готов был самостоятельно считать лапки у пойманных комнатных мух, не полагаясь на лживые авторитеты.

Глубочайшая тайна, в которой тысячелетиями хранилось местонахождение взыскующего знаний Мабузе, чтобы кто-нибудь не раскрыл ему глаза на происходящее, более не требовалась, ибо люди в подавляющем большинстве теперь сами не имели ни малейшего представления о происходящем в реальности, а горстка посвященных ни за что не променяла бы невероятные блага, которые предоставляло им их исключительное положение, на безусловно почетное, но в остальном весьма сомнительное право оказаться растерзанными рассвирепевшим демонобогом, осознавшим вдруг, что потерял несколько десятков веков впустую.

Непроходимые леса и топкие болота, издревле окружавшие дом-могилу Мабузе, начали понемногу осваиваться людьми, когда успокоившиеся демоны допустили смертных в ранее запретную зону. Неподалеку от секретных пещер понемногу сложилось городище, а затем посад с деревянным кремлем, обслуживавший все возраставшие потребности многочисленных Повелителей Новостей, которые работали в непосредственном контакте с Мабузе.

Город рос параллельно с усилением информационных потоков. Через некоторое время, смешное по меркам высших демонов, деревянный кремль стал каменным, затем столицей княжества Московского, а потом, объединив вокруг себя огромное количество славянских земель, на много веков превратился в официальную резиденцию ордена Повелителей Новостей – Москву.

Последним действием многоходовой комбинации по навешиванию на уши демона Мабузе многотонного груза трансцендентной лапши стала исподволь внушенная ему мысль о том, что члены ордена Повелителей Новостей – его верные слуги и последователи. Они доставляли ему свежую информацию, они приносили ему человеческие жертвы, они драли стены его пещеры и выгребали из нее ментальные нечистоты, поэтому немудрено, что великий демон принимал их за своих сподвижников. Коварные же адепты, задачей которых на самом деле было держать бедолагу в узде, отнюдь не спешили его разубеждать.

Уютная и комфортабельная коттеджная деревенька, выстроенная специально для адептов ордена прямо над могилой Мабузе и в ее окрестностях, с весьма злорадным сарказмом была названа Останкино.

С течением времени Повелители Новостей начали применять в работе со своим демоническим подопечным технические новинки, на которые столь щедры оказались девятнадцатый и двадцатый века от рождения одного из многочисленных мелких человеческих пророков. Первый в Российской империи телефонный звонок был сделан собственным корреспондентом ордена в пещеру демонического владыки. Стационарная радиоточка появилась в берлоге великого демона через сутки после пробной трансляции. Телевизионный приемник был установлен в секретной пещере, когда передатчик на гиперболоидной башне Шухова еще только проходил последние испытания.

В конце концов, якобы для удобства приема и передачи многоканального телевизионного сигнала, предназначенного для Мабузе, прямо над его пещерой на месте деревеньки было выстроено инженерное чудо современной архитектуры – Останкинская телебашня, ставшая укрепленным замком ордена Повелителей Новостей, его твердыней и указующим перстом, дерзко грозящим равнодушному Верховному Архитектору.

И одновременно могильным обелиском, тяжело придавившим и запечатавшим склеп владыки, ибо теперь количество поступающей Мабузе ложной информации было таково, что навсегда лишало его малейшей надежды разобраться в хитросплетениях мировых судеб.

Тысячелетия, проведенные великим демоном без движения и доступа свежего воздуха, безусловно, серьезно сказались на его самочувствии. Многие даже утверждали, что он, подобно своему кузену Ктулху, давно уже *фтайн* – то есть не жив и не мертв одновременно; что он охвачен мертвенным сном разума, а его ментальной силы хватает лишь на то, чтобы раз в месяц явить своим последователям слабенький аватар и сделать пару расплывчатых оракулов.

Впрочем, ужас, коий демон Мабузе, игрок, на протяжении тысячелетий вселял в сердца своих собратьев, еще не был до конца изжит многими из них, поэтому они не рисковали проверять, так ли все на самом деле либо неподвижность великого демона и его отстраненность от окружающей жизни вызваны неослабевающим жгучим интересом, с которым он продолжает жадно поглощать поступающую по всем сенсорным каналам информацию. Спешить высшим демонам было некуда, они вполне могли подождать еще веков десять – двенадцать.

К счастью, улица академика Королёва в сторону телецентра оказалась достаточно свободной, чтобы пролететь ее на повышенной скорости вдоль эстакады монорельсовой дороги. В отличие от высших демонов, Алене Ашшурбанипавловне определенно следовало поспешить. Врата пещеры Мабузе закрывались ровно в одиннадцать, и для всякого беспечно опоздавшего к началу церемонии адепта исход оставался один – вон из профессии, как некогда уже случилось с несчастным Сережкой Доренко.

Чтобы оправдать свое отсутствие на ежемесячном ритуале у повелителя, адепт Эбола непременно должна была представить весьма веские причины, способные разжалобить свирепого демона – скажем, страшная автокатастрофа с участием опоздавшей и вызванная этим обстоятельством многомесячная кома. Нервно поглядывая на наручные часики, девушка опасалась, что именно таким способом ей и придется воспользоваться, если она не домчит до ритуального зала минут за десять.

Пронесло. Миновав Останкинский пруд, «рейнджровер» госпожи Алены подлетел к семнадцатому подъезду телецентра с крошечным опережением графика. Ставить машину на стоянку или в подземный гараж ордена? Минус четыре и минус две минуты соответственно, благородные адепты, между тем как ей нельзя было терять ни секунды.

Без колебаний прибавив газу, Алена сокрушила бампером шлагбаум на КПП № 17, на полной скорости взлетела по гранитным ступеням, словно по стиральной доске, ощущая, как на каждой ступеньке желудок омерзительно подпрыгивает и проваливается в бездну, и со страшным грохотом вломилась в стеклянные двери телецентра Останкино. Двери брызнули водопадом осколков, и успешно преодолевший их городской внедорожник на полном ходу врубился в несущую стену, предательски вынырнувшую сбоку.

Девушку жестко швырнуло вперед, пристяжной ремень вышиб из груди дыхание, словно опоясав диафрагму плазменной плетью, и Алена Ашшурбанипавловна изволили погрузиться бюстом в молниеносно вздувшуюся подушку безопасности.

Охранник на входе бросился к дверям, расстегивая кобуру, но увидев, что из вынесшей двери машины выбирается сама госпожа Эбола, замер как вкопанный. Впрочем, через секунду его примитивные мозги простолюдина благополучно перещелкнулись на новый алгоритм, и он снова кинулся к «рейнджроверу» – на сей раз для того, чтобы помочь госпоже Эболе распахнуть дверцу и выбраться наружу.

Вытянув из перчаточного ящичка плазменную плетть – спасибо за напоминание, верный ремень безопасности, – она поблагодарила стража телецентра мимолетной дежурной улыбкой, больше похожей на нервный оскал, и мимо многочисленных кафе, магазинчиков

и туристических бюро на первом этаже кинулась к лифтам, над которыми от угла до угла протянулся огромный мерцающий плакат: «МЫ ДЕЛАЕМ НОВОСТИ».

– Простите, Алена Ашшурбанипавловна! – крикнул ей в спину охранник. – А с машиной-то как теперь что?..

– Возьми ее себе! – яростно отмахнулась она на бегу.

Створки одного из лифтов, в который набилась толпа телевизионного народа, уже сдвигались, однако Алена безжалостно утопила кнопку вызова в стену и задержала кабину на этаже. Раздался мелодичный сигнал, и под разочарованный общий вздох профанов, уже собиравшихся тронуться вверх, двери снова распахнулись.

– Работают Повелители Новостей, – сквозь зубы проинформировала их девушка. – Все вон из лифта!

Глухо ворча, работники телецентра начали покорно вытекать из кабинки обратно в вестибюль. Они прекрасно понимали, что вступать в пререкания с Повелителем Новостей себе дороже, а лицо репортера Эбола было столь примелькавшимся, что ей даже не пришлось предъявлять служебное орденское удостоверение. Лишь какой-то южный парень из новичков лучезарно улыбнулся:

– Что случилось-то, красавица? Смотри, сколько места, все доедем!..

Алена одним оборотом запястья активизировала плазменную плеть, и три огненных хвоста жадно лизнули пол в опасной близости от ботинок едва успевшего отскочить незадачливого мачо, рассыпав по сторонам колючие искры.

– Все вон, – ровным голосом повторила девушка, с огромным трудом сдерживаясь, чтобы не пустить плеть в ход. – Живо!

Кавказец мигом вспомнил о каком-то очень важном деле на этаже и бочком выскользнул из кабинки.

Оставшись в одиночестве, Алена первым делом перевела дух, затем вставила в скважину под двумя рядами кнопок плоский ключ, а когда двери лифта автоматически схлопнулись, отсекая ее от любопытных профанов, быстро набрала на кнопочной панели секретный код. За стенкой скрежетнули подъемные механизмы, с грохотом ушла в сторону броневая плита, перегораживавшая доступ вниз, и кабина лифта устремилась в бездну с такой скоростью, что на мгновение каблучки девушки зависли в воздухе безо всякой опоры, не поспевая за проваливающимся в пустоту полом.

Несколько биений сердца спустя лифт начал утормаживаться и вскоре замер. Выметнувшись из кабинки, словно разъяренная пума, в выложенный диким камнем подземный донжон, Алена на ходу швырнула плеть и курточку на уникальный мозаичный пол – служители подберут, – махнула орденским удостоверением с пылающими в пространстве объемными рунами перед механическими стражниками, охраняющими подземелья, и огромные железные големы безмолвно раздвинулись, пропуская высокую госпожу внутрь.

Эбола со спринтерским результатом преодолела беломраморный сводчатый коридор, в рискованно ускоренном темпе миновала лабиринт разветвляющихся подземных ходов, часть которых заканчивалась смертоносными ловушками (первый, четвертый и седьмой коридоры – кислотные ванны по понедельникам и четвергам; второй, третий и десятый – огненный шквал по вторникам, средам и пятницам; пятый, шестой, восьмой и девятый – биологическая угроза ежедневно, ловушки вне расписания на сутки вперед озвучивает Великий магистр на вечерней летучке, выучи назубок, детка, во избежание непредусмотренного мисандстендинга!). Наконец вывернула из-за последнего угла на финишную прямую и выскочила в огромный холл перед ритуальным залом, отделанный необработанными гранитными плитами.

Притопывая от нетерпения, Алена дожидалась, пока неторопливые защитные элементы скачают ее облик и сверят его с имеющимся в базе данных. В случае несовпадения

внешности по трем ключевым позициям из девятнадцати девушку ждала немедленная молекулярная дезинтеграция, но пугало ее это только первые тридцать – сорок раз. Последнее время это была уже не смертельно опасная игра в русскую рулетку, как представлялось поначалу, а надоевшая и бессмысленная бюрократическая рутина. Тем более что она ничего не слышала о том, чтобы кто-нибудь из коллег когда-либо засыпался на этом тесте – ну, разве что кроме того нашумевшего случая со Светланой Сорокиной, когда та явилась в ритуальный зал после подтяжки прямо из косметологической клиники, забыв предупредить об этом магистра. Ну, там уж ей никто виноват не был, кроме пустоты в голове.

Вообще, конечно, тот случай вполне тянул на Дарвиновскую премию, которую присуждают придуркам, особенно глупо расставшимся с жизнью. Однако даже если бы он попал в профанскую прессу, то едва ли получил бы первое место. В тот год лауреат был неоспорим. Некий ремонтник, спустившийся в гигантскую чашу радиотелескопа в Аресибо для замены какой-то мелкой детали, по завершении работы попросил по радиации обслуживающий персонал телескопа щелкнуть тумблером, чтобы проверить, замыкается ли электрическая цепь и загорается ли лампочка на контрольной панели. Безо всякой задней мысли работники обсерватории щелкнули тумблером – если ремонтник просит, значит, наверное, так надо. Цепь замкнулась, лампочка зажглась, радиотелескоп запустился. Поскольку принцип его действия схож с принципом действия микроволновой печи, а мощность в десятки тысяч раз больше, от ремонтника не осталось даже пепла.

Створки внушительных, золотых, с тератологическим рельефом врат в глубине холла внезапно дрогнули и начали беззвучно смыкаться, как бы наглядно иллюстрируя известную максиму «Оставь надежду, всяк не вошедший сюда вовремя».

Мать же твою всю в саже! Одиннадцать! Одиннадцать!

– Эй, нельзя ли поскорее?! – рявкнула Алена в пространство, однако флегматичный невидимый охранник, разумеется, никак не отреагировал на ее бурные эмоции. Защитные элементали подземелья напрямую подчинялись только Великому магистру; даже приор Нергалыч не имел права отдавать им приказания. Поэтому прозрачная колеблющаяся завеса с проскальзывающими поперек вратного проема оранжевыми и голубыми колючими искрами не исчезла, пока чертов стражник не сверил облик прибывшей госпожи по семнадцати позициям: когда они в точности совпали, дальнейшая проверка потеряла всякий смысл. Что ж, спасибо и на этом – некоторые уроды все равно педантично проверяли бы все девятнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.